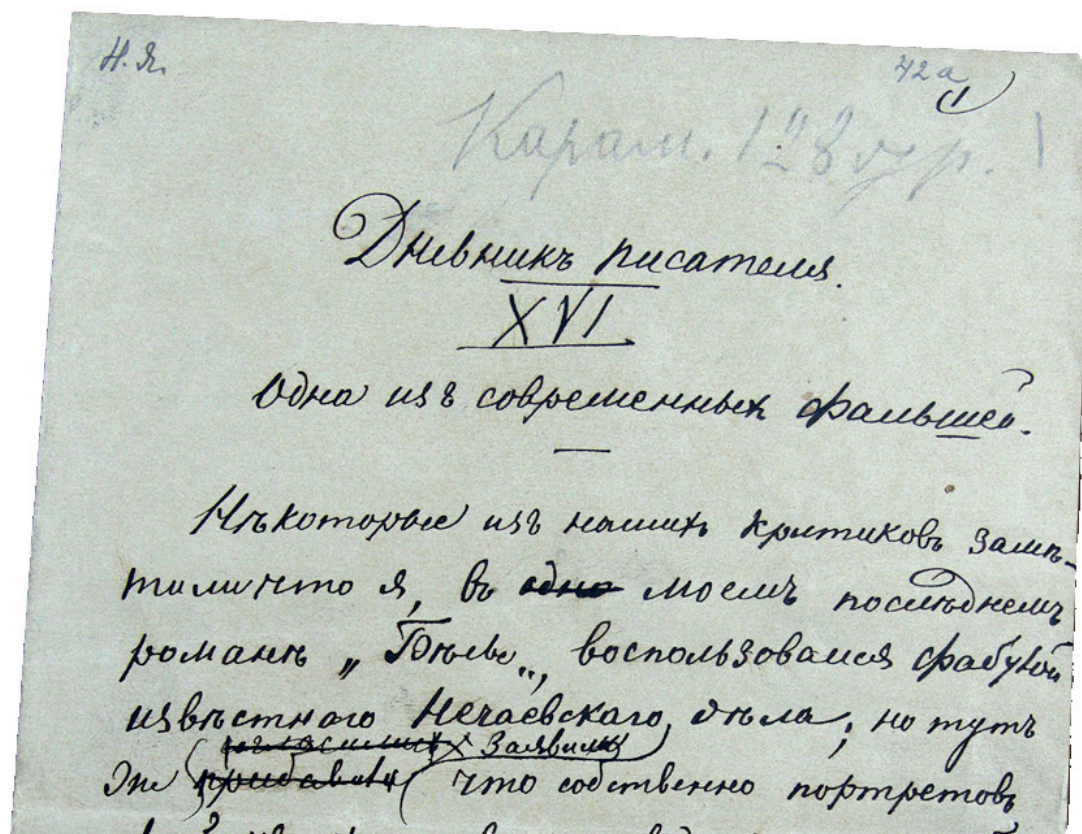

Блоггер.

Был ли Ф.М. Достоевский первым русским блоггером, вопрос спорный, но выдающимся русским блоггером он несомненно был. Выдающимся – поскольку проявил самостоятельность мышления, и смело противоречил устоявшемуся и прочему мнению, если находил его ошибочным.

В 1865 году, за 100 лет до моего рождения, у него появляется замысел издания авторской «Записной книги», свидетельство о чём имеется в его рукописях. Реализовать замысел удалось лишь начиная с 1873 года изданием „Дневника писателя“.

Темы его Дневника: среда, обособление, раздор, Отечество, возрождение, общественная польза и другие, ничуть не потеряли своей актуальности, да и не только темы, а и сами тексты на злобу дня нисколько не утратили ни своего смысла, ни своей значимости по прошествии полутора веков.

Письмена – это своего рода очеловечивание пространства. Люди каменного века покрывали стены пещер и поверхности камней изображениями увиденного и пережитого ими. Упражняясь в искусстве отображения действительности, люди совершенствовали способ запечатления и передачи опыта: камни превратились в бумагу, резцы – в перо и чернила, запечатлеваемые образы – в литературу.

Опыт литературного творчества явил образцы гениальной одухотворённости, оно само стало катализатором человечности. Однако всякая палка о двух концах, и литература служила не одним

лишь благородным целям. Иной раз сами литераторы были побиваемы письменами, ими же сотворёнными.

Ф.М. Достоевский сам был свидетелем и участником власти, оказываемой письменами на неокрепшие умы, был втянут литературой в преступление, пережил наказание, что укрепило его в мысли о необходимости проповеди добра и развенчании зла. Каторга была адом, но одновременно горнилом, очистившим и просветлившем душу. Побывав в аду, Ф.М. Достоевский впервые соприкоснулся с его населением, увидел в нём равных ему русских людей. Проходя через испытание, сталь закаляется – это советские люди знали не по наслышке. К несчастью, они забыли о мученичествах христианских просветителей, на чём зиждется литературное творчество Ф.М. Достоевского. Помяная об этом факте, следует сказать, что не всякая жертва оправдана, и не всякая попытка во благо, а люди – не хворост, который позволено бросать в печь, лишь бы наш паровоз вперед летел, в коммуне остановка.

Известно, что из бывших грешников сделались самые пламенные христиане, после того, как для них открылось равенство всех перед богом в страдании и сострадании. То же самое случилось и с Ф.М. Достоевским: после падения и мученичества последовало воскресение. „Не «начало только всему» есть личное самосовершенствование, но и продолжение всего и исход.“ Мысль рациональная, но прежде всего христианская. Пасть несложно, подняться труднее, если возможно оправиться от падения, от которого никто не застрахован. Ванькой–встанькой мы все были, но многие как–то не выросли из младенческого возраста. Сколько падений было в отечественной истории – не счесть, а Ваньки–встаньки всё ещё не перевелись. Ползание на коленках конечно уменьшает риск падения, но вопрос вовсе не о том. Если русские ёрзают на коленках подобно некоторым неразумным народам, то это кому–то выгодно, кто–то кровно заинтересован в падении, в размножении юродивых, недоумков, умственно отсталых. Кому выгодно? – Ясно кому, тем же, кто развалил имевшуюся систему образования, и кто вместо образования ввёл систему промывания мозгов. Те же лица являются инициаторами лукавого трёпа про вставание с колен, рассчитанного на таких же дебилов, как они сами.

В советское время население с детского возраста ненавязчиво наставляли: Баранкин, будь человеком! Но только до немногих дошло, чего от них добиваются, остальные так и остались баранами. А как с этими баранами поднимать культуру, не говоря уже о прочих вещах? Им и растолковать–то невозможно, о чём идёт речь, если они уже и в скотобойне видят залог их бараньего счастья.

Что было бы, если бы сегодняшние бараны оказались на стройках и полях сражений коммунизма с фашизмом, страшно подумать. Во всяком случае, ковать победу было бы некому. А кто, спрашивается, одержал победу в Отечественной войне 1941–1945 годов, и кому принадлежит честь и слава победителя? Я обоснованно полагаю, что эту победу одержали вовсе не царь, и не генералиссимус, а Ф.М. Достоевский и прочие литераторы, и непобедимое войско взросло не только на хлебе едином, но и на литературе.

Труд литератора не менее ценен, чем труд землелашца и хлебороба, и от того, как он исполняется, зависит здоровье нации. Почему мы победили? Потому что у нас есть Ф.М. Достоевский, а у немцев

его не было и не могло быть. Почему нас победили? Потому что не ценим, что имеем, и полагаем, что таблица химических элементов – это наука, а Мёртвые души – лишь беллетристика, плод разыгравшейся фантазии одного литератора, укропа, впоследствии окончательно сошедшего с ума.

Но как известно, действительность превосходит всякую буйную фантазию. Так и у нас вышло: Действительность превзошла Бесов, Идиота, Мёртвые души, и Историю города Глупова, взятых по отдельности и вместе. Но много осталось ещё сюжетов, которые можно превзойти, взять хотя бы Mein Kampf. Ещё не читали? Так прочтите, насладитесь, так сказать, классикой немецкой литературы, если Бесы вам интеллектуально недоступны.

Помянув Бесов, помянем и их дела. Известно, что душа человека является полем боя добра и зла; исход этого боя не предрешён, и успехом пользуется попеременно то одна, то другая сторона. Антология Коли из Уренгоя, с которой я ознакомился из чистого любопытства, является индикатором ментального состояния как зрительного зала, так и непосредственных участников упомянутой борьбы.

Наверное не все понимают символику театрального представления, разыгранного в Bundestage, поэтому несколько пояснительных слов. Коля из Уренгоя – это конечно Николай, происходящий от Ники – древнегреческой богини победы. За Никой следовал Николай Чудотворец, которого поминуют 9 мая. В Русской истории были свои Николаи: царь–самодур Николай I, и Николай II, позорно проигравший внешнюю и внутреннюю войну 1914–1917 годов.

И вот, после известных событий прошлого века, на сцену выходит Коля из Уренгоя, живущий на немецкие деньги и ухаживающий за могилами немецких солдат – просто идиллия. Воистину, если хочешь победить врага, воспитай его детей. Нет, я не против поминок по умершим, погибшим и убиенным, я против союза сутенёров и педерастов, растлевающих невинные души под шумок о сохранении исторической памяти и укреплении дружбы народов.

Обратимся к Ф.М. Достоевскому за разъяснением психологической подоплёки содеянного: «Я ведь совсем как англичанин (в данном случае – немец), — рассуждает русский, — стало быть, надо уважать и меня, потому что всех англичан уважают». Двести лет выработывался этот главный тип нашего общества под неперменным, ещё двести лет тому указанным принципом: ни за что и никогда не быть самим собою, взять другое лицо, а своё навсегда оплевать, всегда стыдиться себя и никогда не походить на себя — и результаты вышли самые полные.

Мнением Ф.М. Достоевского, высказанном по другому поводу и в другое время, продолжу моё рассуждение: „В сущности, у нас каждый подозревает другого в глупости безо всякой задумчивости и безо всякого обратного вопроса на себя: «Да уж не я ли это глуп в самом деле?» Положение вседозволенное, и, однако же, никто не доволен им, а все сердятся. Да и задумчивость в наше время почти невозможна: дорого стоит. Правда, покупают готовые идеи. Они продаются везде, даже даром; но даром-то ещё дороже обходятся, и это уже начинают предчувствовать. В результате никакой выгоды и по–прежнему беспорядок. ... Заметьте, что я ценю всё на деньги; но разве это верный расчёт? Деньгами ни за что не купишь всего; так может только какой-нибудь необразованный купец рассуждать в комедии г-на Островского. Деньгами вы, например, настройте школ, но учителей сейчас не наделаете. Учитель — это штука тонкая; народный, национальный учитель вырабатывается

веками, держится преданиями, бесчисленным опытом. Но, положим, наделаете деньгами не только учителей, но даже, наконец, и учёных; и что же? — все-таки людей не наделаете. Что в том, что он учёный, коли дела не смыслил? Педагогии он, например, выучится и будет с кафедры отлично преподавать педагогию, а сам всё-таки педагогом не сделается. Люди, люди — это самое главное. Люди дороже даже денег. Людей ни на каком рынке не купишь и никакими деньгами, потому что они не продаются и не покупаются, а опять-таки только веками выделяются; ну а на века надо время, годков этак двадцать пять или тридцать, даже и у нас, где века давно уже ничего не стоят. Человек идеи и науки самостоятельной, человек самостоятельно деловой образуется лишь долгою самостоятельную жизнью нации, вековым многострадальным трудом её — одним словом, образуется всею историческою жизнью страны. Ну а историческая жизнь наша в последние два столетия была не совсем-таки самостоятельной. Ускорять же искусственно необходимые и постоянные исторические моменты жизни народной никак невозможно.“ (Дневник, 1873 г.)

Прочтя это, вспомните, что происходило в Отечестве последние 27 лет, и выводы явятся в ваших дурных головах сами собой, если вы хотя бы освоили таблицу умножения и знаете, сколько будет дважды два.

Всякая профессия развращает, если не специализацией, то организацией. О вреде союзов писателей нам всем, т.е. людям образованным и осведомлённым, хорошо известно. Но и якобы беспристрастная журналистика вредна тем, что она приучает к цензуре и ментальной стадности. Максимой становится не самостоятельность мышления и высказывания, а забота, с оглядкой на братьев по ремеслу, как бы не сказать или не написать чего лишнего, а затем уже — как бы не подумать чего лишнего. Ремесленная политкорректность отупляет в прямом смысле этого слова. Всё заканчивается тем, что эти тупые и отупевшие дуры и дураки устанавливают монополию на истину, точнее говоря — диктатуру высказывания, в традициях газеты „Правда“ и западной Lügenpresse. Их общая цель — замолчать и заболтать достойное внимания, а самое главное — себя позиционировать в центре всякого события, заполнить собой наполовину или по меньшей мере на треть телевизионный экран: вот мол, смотрите, я там был, пиво пил, по усам текло, а в рот не попало. Не будучи наивным, замечу, что мне хорошо известно, что и кому в рот и ещё куда попадает и при каких обстоятельствах.

Демократизация ремесла писателя и издателя превратила литературу в макулатуру, в которой найти шедевры, т.е. достойные прочтения книги и тексты стало так же трудно, как найти иголку в стоге сена. Бумажный кризис 20-го века перешёл в цифро-дигитальный 21-го века, но суть кризиса не изменилась; этот кризис состоит в обесценивании ценностей вследствие перепроизводства ненужного и недоупотребления нужного, в замусоривании библиотечного и ментального пространства хламом, англоязычные эквиваленты чего flood, spam, scam, junk, trash. В этом рукотворном хаосе дешёвка и продажность дополняют друг друга.

Бездарность всегда искала способа себя проявить и заявить о себе на весь мир. Раньше возможности были ограниченными, именно поэтому бездарности устремлялись на государственную службу. Сейчас же бездарность встретишь повсюду, как среди миллиардеров, так и среди бездомных.

Блоггер — это стихия и антипод организованной преступности журналистики. Грамоте обучился — пиши сочинения на свободную тему. Некоторые злоупотребляют этой свободой, другие вносят свою лепту в

общее дело. У Коли из Уренгоя тоже есть профиль ВКонтакте – полагаю, что это самое большое его достижение, поскольку ничего осмысленного ему его отечество не предложило. Хоть бы написал что-нибудь, достойное прочтения, но нет, ничего подобного в его профиле не найти. Скоро он уже станет взрослым, и не набравшись ума так и останется дураком. И никакая психотерапия его уже не исправит.

Комментарий Ф.М. Достоевского как будто об этом: „Жаль ещё тоже, что детям теперь так всё облегчают — не только всякое изучение, всякое приобретение знаний, но даже игру и игрушки. Чуть только ребёнок станет лепетать первые слова, и уже тотчас же начинают его облегчать. Вся педагогика ушла теперь в заботу об облегчении. Иногда облегчение вовсе не есть развитие, а, даже напротив, есть отупление. Две-три мысли, два-три впечатления поглубже, выжитые в детстве, собственным усилием (а если хотите, так и страданием), проведут ребёнка гораздо глубже в жизнь, чем самая облегчённая школа, из которой сплошь да рядом выходит ни то ни сё, ни доброе ни злое, даже и в разврате не развратное, и в добродетели не добродетельное.“

В безвременье смуты вся Русь превращается в Тьму–Таракань, перемещается на собственные задворки, отодвигается на задний план, уходит в подполье, а на сцену выходит дурак, не знающий ни собственной истории, ни истории отечества, не умеющий ни думать, ни сочувствовать.

„Весь сказочный мир — это не отображение жизни, а её преображение. Преображение подчас достигается путём переворачивания. Отсюда мир сказки — это во многом перевёрнутый мир по отношению к реальной действительности. Это то, чего заведомо не может быть. Это невидаль и небыль. Перевернувшись, вечный неудачник должен стать любимцем судьбы. И самый слабенький мальчик должен победить великана. А на вершине мудрости и славы должен оказаться — дурак.“ (Андрей Синявский. Иван–Дурак: Очерк русской народной веры.)

Глупость новоявленного дурака лезет из всех щелей как тараканы из плитуса. За отсутствием выверенного знания прибегают к аллегориям. Так например, характеризуя параличное состояние умов в Путинской России, указывают на художественный образ Ждуна. Я ничего не имею против художественных образов, но недостаточно одного лишь указания, необходимо истолкование их содержания, раскрытие их смысла, выяснение их происхождения, до чего также не доходит за отсутствием слов. Конечно, слова имеются, но отнюдь не достойные употребления, отчего проистекает брехня, многоречивое пустословие, переливание из пустого в порожнее.

От написания хуёв на заборе дураки перешли к застолблению виртуальных просторов, обильно пописывая их вдоль и поперёк. Гением этого жанра можно назвать Ельцина, допившегося до того, что он росчерком пера перечеркнул тысячелетнюю историю отечества.

Но Ельцин всё же пьяница и лжец по типу Хлестакова, и его всё же вытолкали из гостиной, хотя и с опозданием, а вот пришедший ему на смену Путин уже работяга на манер Чичикова. Чичиков здесь, Чичиков там, для ловкого дельца и прохвоста всякое дело, за которое он берётся, по плечу: Он и резидент, и президент, и хоккеист, и дзюдоист. Я уже сравнивал В.В. Путина с Наполеоном Бонапартом, который тоже был французским Чичиковым, только на военном поприще, трупы солдат – его капитал, а сам он ведёт жизнь антисоциального паразита.

Брежнев был последним из поколения победителей, после него началась деградация отцов нации, закончившаяся придурком из питерской подворотни, уже не отцом, а блудным сыном русской революции и русской победы.

Ещё задолго до Москвы 2042 на экраны страны вышла пророческая комедия об управдоме, ставшем государем. Все подобные комедии, если их авторы в здравом уме, неминуемо заканчиваются разоблачением самозванца, будь то Наполеон Бонапарт, Иван Васильевич, Павел Иванович или Владимир Владимирович.

Некто П.И. Соломатин, директор Департамента управления делами Счётной палаты Российской Федерации пишет мне 20 ноября сего года в ответ на моё [послание](#):

„Избранный Вами стиль изложения, содержащий высказывания оскорбительного характера, является недопустимым при обращении в государственные органы.“

Стиль ... содержащий, или изложение, но тогда – содержащее? Такой вот директор, не умеющий двух слов правильно связать. Он или они все оскорбились моей оценкой Путинизма, идентификация с фюрером и обычный кретинизм сделали их невосприимчивыми к истине. А истина такова, что русские Эдипы не только стали motherfuckers, но и, в добавок к этому, сутенёрами, превратили Родину–мать в проститутку, распродавая её ресурсы направо и налево за бесценок.

Кстати, оскорбившиеся от того, что их называли сутенёрами, не оскорбились и освоили бюджетные деньги, чтобы за столбить крымскую землю безобразным монументом, изображающим „царя–миротворца“ Александра III. На церемонии открытия произнёс речь, а затем [оповестил](#) всю страну об этом событии блоггер Владимир Владимирович. Умолчал он только по лукавству или по незнанию о том, кто создал Александра III и саму „эпоху национального возрождения“. А создал их не кто иной как Ф.М. Достоевский своим творчеством и своим гением.

Кто–то может попрекнуть Ф.М. Достоевского в приверженности царизму, но вот что он писал о нём: „Нет-с, освободили мы народ с землёй не потому, что стали культурными европейцами, а потому, что сознали в себе русских людей с царём во главе, точь-в-точь как мечтал сорок лет тому назад помещик Пушкин, проклявший в ту именно эпоху своё европейское воспитание и обратившийся к народным началам.“ – Имеющий глаза да увидит и прочтёт „с царём в голове“ где написано „с царём во главе“. Да и кто же был царём земли русской в те времена, если коронованные цари, да и не только цари просвещались чтением его романов и дневников?

А что сейчас? В отсутствии просветителей всё вернулось на круги своя, т.е., по выражению Ф.М. Достоевского, к безмыслию. Реальность такова, что большая часть людей всё ещё находится на уровне психического развития человека каменного века. Как можно больше нахапать и всё для себя – чем это не психика человека каменного века? Вся их кипучая деятельность, включая блоггерство, издательство, запуски ракет в околоземное и околосолнечное космическое пространство и т.д. и т.п., направлена на удовлетворение нарциссских комплексов, доходящих и доводящих до абсурда. В ней проявляется только глупость космического масштаба, болезненная грандиозность.

А откуда это безмыслие происходит? От подмены понятий, например, вместо веры, надежды, любви, – православие, самодержавие, народность. И ещё потому, что вы всё делаете в спешке: жрёте в спешке, думаете в спешке, поступаете в спешке, воспитываете в спешке... Вы всегда чем-то заняты, но заняты несущественным, а на существенное у вас просто нет времени. Всё, что из этого выходит – преждевременные роды несозревших идей и детей, пустая растрата сил и ресурсов, пшик вместо результатов, суета сует вместо полноты жизни. Таким образом вы себя и других превращаете в калек. А люди с искалеченными телами и судьбами способны только ненавидеть, разрушать и калечить, что и происходит.

В этой ситуации только ирония спасает от равнодушия и цинизма: „Русские люди долго и серьезно ненавидеть не умеют, и не только людей, но даже пороки, мрак невежества, деспотизм, обскурантизм, ну и все эти прочие ретроградные вещи. ... Я даже и в самую драку не верю: драка дракой, а любовь любовью. И почему дерущиеся не могли бы в то же время любить друг друга? Напротив, это даже очень часто у нас случается, в тех случаях, когда подерутся уж слишком хорошие люди. ... Что же тут нехорошего, я спрошу вас. Это только трогательно, и более ничего. Взгляните на детей: дети дерутся именно тогда, когда ещё не научились выражать свои мысли, ну вот точь-в-точь так и мы. Ну и что же, тут вовсе нет ничего безотрадного; напротив, это отчасти доказывает лишь нашу свежесть и, так сказать, непочатость. Положим, у нас, в литературе например, за неимением мыслей, бранятся всеми словами разом: приём невозможный, наивный, у первобытных народов лишь замечающийся, но ведь, ей-Богу, даже и в этом есть опять нечто почти трогательное: именно эта неопытность, эта детская неумелость даже и выбраться как следует. Я вовсе не смеюсь и не глумлюсь: есть у нас повсеместное честное и светлое ожидание добра (это уж как хотите, а это так), желание общего дела и общего блага, и это прежде всякого эгоизма, желание самое наивное и полное веры и при этом ничего обособленного, кастового, а если и встречается в маленьких и редких явлениях, то как нечто неприметное и всеми презираемое.“

Поучитесь выражать свои мысли у мастера этого дела! А всё это писанное горячей мочёй эпистолярное наследие Ельцинизма–Путинизма будет сдано в архив, чтобы послужить наглядным пособием для изучения психической регрессии, принявшей массовый характер.